

Великая княгиня
Евдокия Дмитриевна
(Преподобная Евфросиния Московская)
(1353(?) — 1407)

Наша первая героиня — супруга Дмитрия Ивановича Донского, закрепившего за московскими князьями титул Великих. По словам русского историка В. О. Ключевского, именно на прославившем Дмитрия Куликовом поле, а не в «скопидомном сундуке» Ивана Калиты родилось будущее Русское государство. Неизвестный автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», написанного в XV или XVI веке, когда потомки Дмитрия Донского готовились к принятию царского титула, называет его «царем русским».

Как и Дмитрий, Евдокия происходила из древнего княжеского рода. Она принадлежала к династии суздальских князей, основателем которой был младший брат Александра Невского — Андрей Ярославич. Таким образом, со своим мужем, чья родословная восходила к самому невшскому герою, Евдокия находилась в дальнем родстве.

Точная дата рождения Евдокии (это имя в переводе с греческого языка означает «благоволение») не известна. В те времена такие подробности биографии княжеских дочерей никого не интересовали, так как они не могли участвовать в дележе власти и наследовать ее после отца. Годы ее детства совпали с периодом возвышения суздальской династии. В 1341 году хан Золотой Орды Узбек, желая ослабить политические позиции московских князей и поощрить суздальского князя Константина Васильевича (деда Евдокии), на стороне

которого в борьбе за великокняжеский ярлык после смерти Ивана Калиты были многие князья Северо-Восточной Руси, разделил Владимирское великое княжество. Хан отдал суздальцам два крупных города — Нижний Новгород и Городец. Но, по предположению современного историка К. А. Аверьянова, суздальский князь мог получить часть великокняжеского домена и от своего соперника в борьбе за великокняжеский стол — московского князя Симеона Гордого. Тот сватался к суздальской княжне Антонине, но потом женился на другой и был вынужден компенсировать «обиду» своему несостоявшемуся тестю Константину.

Однако полученными территориями суздальские князья не удовлетворились. Поддержка со стороны Орды и вечного соперника Москвы Великого Новгорода позволила им в дальнейшем вести небезуспешную борьбу с московскими князьями за Великое княжение Владимирское. Несмотря на утрату былого экономического и политического влияния, Владимир продолжал формально считаться столицей Северо-Восточной Руси. Ханский ярлык на его великокняжеский престол делал владевшего им князя не просто первым среди равных, а фактическим правителем Руси, державшим в своих руках сбор дани татарам.

Князь Константин Васильевич перенес столицу княжества из Суздаля в Нижний Новгород — богатый волжский город, ставший к тому времени крупным торговым и ремесленным центром. Властным амбициям династии способствовали успешные и многодетные браки. Второй сын Константина, Дмитрий, и его жена Анна имели пятерых детей: сыновей Василия, Симеона, Ивана и дочерей Евдокию и Марию.

После смерти князя Константина Нижний Новгород достался его старшему сыну Андрею, кото-

рый отдал своему брату Дмитрию второй по значению город княжества — Суздаль.

Как проходило в древнем Суздале детство старшей дочери князя Дмитрия Константиновича, мы не знаем. Конечно, она не знала нужды. Евдокия до конца жизни любила роскошь и богатые наряды. Девочка росла в атмосфере крупного средневекового города, удельной княжеской столицы, в тридцати верстах от первопрестольного Владимира, среди разговоров о великокняжеской власти и возможностях, которые она предоставляла. Как других княжон, ее воспитывала мать, готовя к судьбе супруги кого-нибудь из важных отцовских союзников.

В это время внешние политические обстоятельства складывались в пользу Дмитрия Константиновича. Противник его отца, Симеон Гордый, умер вместе со всей семьей во время эпидемии чумы 1353 года. Младший брат Симеона — Иван Красный (Красивый) сидел на московском престоле и Владимирском Великом княжении менее шести лет. После смерти Ивана Красного Московское княжество осталось его девятилетнему сыну Дмитрию Ивановичу. Благодаря малолетству московского князя и временному ослаблению политического влияния Москвы Дмитрию Константиновичу суздальскому удалось дважды, в 1360 и 1363 году, завладеть ярлыком на Великое княжение Владимирское, что еще больше повысило престиж его семьи.

Но мечтам Дмитрия Константиновича о долгом обладании великокняжеским престолом не удалось сбыться. После кончины старшего брата Андрея он начал борьбу за Нижний Новгород с еще одним родным братом — Борисом Константиновичем, князем городецким. Одолеть собственными силами младшего брата Дмитрий суздальский не сумел и был вынужден

обратиться за помощью к московскому князю, пообещав ему не претендовать отныне на великокняжеский ярлык. Залогом прочного и долговременного союза Москвы и Суздаля должен был стать брак московского князя со старшей дочерью Дмитрия Константиновича Евдокией.

Дмитрию Ивановичу Московскому было пятнадцать лет. В этом возрасте князю, имевшему собственный удел, полагалось заводить семью, чтобы показать и союзникам, и соперникам, что он уже взрослый мужчина и готов продолжить династию. Современный историк А. Б. Мазуров предполагает, что у Дмитрия, несмотря на юный возраст, до этого уже была жена, но что с ней стало — неизвестно.

Решение о выборе невесты московский князь принимал не единолично. Первым советчиком в этом деле выступал живший в Москве митрополит Киевский и всея Руси Алексий (сын известного боярина Федора Бяконта). После смерти Ивана Красного Алексий принял на себя заботу о его наследнике, занимался воспитанием малолетнего князя Дмитрия Ивановича и решал за него сложные политические вопросы. В частности, именно он добился возвращения в руки воспитанника ярлыка на Великое Владимирское княжение.

Невеста московского князя должна была обеспечить надежные связи с влиятельными княжескими домами Северо-Восточной Руси. И, что немаловажно, будущая княгиня обязана быть плодовитой, чтобы династия не прерывалась, а власть всегда передавалась по наследству по мужской линии, от отца к сыну.

Евдокия Дмитриевна стала подходящей партией в обоих отношениях. Ее отец недавно сам сидел на великокняжеском престоле во Владимире и пользовался уважением многих князей Северо-Востока, а его

пятеро детей от одной жены являлись гарантией того, что и дочь, скорее всего, не окажется бесплодной.

Суздальской княжне в ту пору было двенадцать или тринадцать лет. В средневековой Руси этот возраст считался вполне подходящим для замужества. Вряд ли кто-то спрашивал ее согласия на брак с Дмитрием Ивановичем. О свадьбе договорились жених, его «опекун» митрополит Алексей и отец невесты. Евдокии просто надлежало исполнить то, для чего она была предназначена своим рождением и воспитанием.

Бракосочетание состоялось 18 января 1366 года в Коломне — пограничном городе Московского княжества. Место выбрали не случайно. О том, что породнились два самых влиятельных князя Северо-Восточной Руси, как можно быстрее должны были узнать давние противники Москвы — Рязанское княжество и Литва. Устроили не просто свадебное торжество, а политический акт, демонстрацию могущества и сплоченности Великого княжества Владимирского. Населению свадьба Дмитрия и Евдокии давала надежду на прекращение междоусобиц и мирную передышку. «Это событие, — отмечал позднейший летописец, — преисполнило невыразимой радостью сердца всех русских».

Союз Москвы и Суздаля вскоре был подкреплен еще раз, браком Марии — младшей сестры Евдокии и знатного московского боярина Микулы Васильевича Вельяминова, ставшего, таким образом, свояком великого князя. Однако великокняжескую и боярскую молодые семьи связало не только родство, но и малоприятная загадочная история во время вышеупомянутой свадьбы в Коломне.

После венчания в Воскресенской церкви молодые князь и княгиня с родственниками и гостями сели за пиршественный стол. Во время пира гости подносили

молодоженам дорогие подарки. Самым ценным из них, вызвавшим всеобщее восхищение, стал дар новоиспеченного тестя, князя Дмитрия Константиновича суздальского. Он поднес зятю пояс, состоявший из золотых пластин, украшенных драгоценными камнями. В средневековой Руси такие пояса являлись символом княжеской власти. Как правило, их привозили из Орды или Византии. Самые роскошные пояса, изготовленные только из металла, без кожаной основы, стоили очень дорого и были большой редкостью. Дар Дмитрия Константиновича имел не только огромную материальную ценность, но, вероятно, мог символизировать передачу тестем зятю всей полноты власти в Великом княжестве (обычно князья дарили такие пояса своим наследникам).

Дмитрий Иванович принял подарок с благодарностью и велел на время пира спрятать его от чужих завистливых глаз в княжеской скарбнице. Каково же было его изумление и разочарование, когда на следующее утро обнаружилось, что драгоценный пояс, находившийся под замком, кто-то подменил на более простую вещь. Тогда злоумышленника не нашли, а пояс исчез. Уже после смерти Дмитрия Донского появилась версия, что пояс похитил распорядившийся на свадебном пиру московский тысяцкий Василий Протасьевич Вельяминов — отец Микулы Васильевича и будущий тесть сестры великой княгини. Но если пояс и оказался в доме Вельяминовых, на показ его никогда не выставляли и вслух о нем не говорили. Тем не менее, темная история с пропажей пояса еще сыграет роковую роль в судьбе детей и внуков двух породнившихся молодых пар.

Возвратившись в Москву, великий князь и княгиня зажили одним домом, но от супружеской близости

в первые годы воздерживались: требовалось дождаться времени, когда княгиня будет готова к деторождению, чтобы не нанести вреда ее здоровью. «После брака, — пишет неизвестный составитель церковного жития князя Дмитрия Ивановича, — они жили целомудренно, как златоперсистый (златогрудый. — *Л. С.*) голубь и сладкоглаголивая ластовица (ласточка. — *Л. С.*)». Своего первого ребенка — сына Даниила Евдокия родила в 1370 году, когда ей было 16–17 лет.

В княжеских семьях внешность супругов не играла большой роли, главное для успешного брака — родовитость и плодовитость обоих. Но сохранившиеся мощи Евдокии (Евфросинии) позволяют высказать некоторые суждения о том, как она выглядела. Согласно данным исследования главного археолога Московского Кремля Т. Д. Пановой, рост княгини равнялся 155 сантиметрам. Для того времени он мог считаться близким к среднему. Со скульптурной реконструкции, выполненной С. А. Никитиным по ее черепу, на нас смотрит женщина довольно приятной наружности, с правильными, хотя и тяжеловатыми чертами лица и волевым, почти мужским подбородком.

Для своего супруга, обладавшего завидным мужским темпераментом, Евдокия сохраняла притягательность до конца совместной жизни. В течение 19 лет она родила ему, по разным данным, 12 или 13 детей: 8 (9) сыновей и 4 дочерей. Составитель жития Дмитрия Донского называет князя «виноградом многоплодным» и пишет, что в браке с Евдокией великий князь «яко кедр в Ливане умножися, и яко финик в древесех процвете».

Великая княгиня сполна исполнила свой долг — обеспечила почти ежегодными родами преемственность власти московской династии. Но была ли она

счастлива? Ведь счастье женщины не только в детях (хотя и здесь не все было благополучно — двое сыновей Евдокии умерли в раннем детстве), оно складывается из многих элементов. Неизвестный автор ее церковного жития сообщает, что якобы сама Евдокия говорила, что «немного испытала она радостей в супружестве за Дмитрием». Что могли означать эти слова?

Великокняжеские терема, в которых проходила жизнь Евдокии, не были тихим уютным гнездышком, защищавшим от всех проблем. В окна светлицы то и дело стучали ветры клонившегося к закату бурного и тревожного четырнадцатого столетия.

В первый год ее замужества Москву постигли сразу две беды — эпидемия чумы, которую на Руси называли моровой язвой, и сильный пожар, за пару часов уничтоживший все городские постройки. От смерти в обоих случаях не был застрахован никто. Евдокия не могла не знать, что чуть больше десяти лет назад чума унесла жизни дяди ее мужа, великого князя Симеона Гордого, и его сыновей. А от пожара великокняжеская семья едва спаслась за кремлевскими стенами. Можно представить, с каким страхом и печалью юная княгиня взирала на усеянное телами погибших пепелище, в которое неумолимый огонь превратил ее столицу.

Некоторые беды провоцировала активная политика князя Дмитрия Ивановича, стремившегося превратить Москву в центр объединения русский земель, а Великое Владимирское княжение — в передаваемую по наследству собственность своей семьи. В 1367 году он построил в Москве первый белокаменный кремль, превративший центр княжеской столицы в почти неприступную крепость. Но он был не одинок в своих чаяниях: к тому же стремились и могущественные конкуренты Московского княжества.